
Валентин Саченко

**В ПОИСКАХ МЕТОДА: М. БЛОК И П. М. БИЦИЛЛИ О
ПРИРОДЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ**

Стаття присвячена аналізу теорій культурно-історичного пізнання, запропонованих М. Блоком та П. М. Біцціль. Заперечуючи домінування позитивістського підходу в історичному пізнанні, вони бачили головне завдання історичного дослідження в розкритті механізмів діяльності соціальної свідомості завдяки аналізу світосприйняття та світогляду людей доби, що вивчається.

Ключові слова: *світогляд, світосприйняття, ментальність, дух доби. Стаття посвящена аналізу теорій культурно-історичного пізнання, пропозованих М. Блоком и П. М. Бицилли. Выступая против доминирования позитивистского подхода в историческом познании, они увидели главную задачу исторического исследования в раскрытии механизмов деятельности социального сознания через мироощущение и мировосприятие людей изучаемой эпохи.*

Ключевые слова: *мироощущение, мировосприятие, ментальность, дух эпохи.*

This article is devoted to the analysis of cultural and historical cognition which were proposed by M. Bloch and P. M. Bicilli. Coming forward against dominion of positivistic approach in historical cognition they saw the main problem of historical investigation in discovering mechanisms of activity of social consciousness through human's world outlook and world-view of investigating epoch.

Key words: *world outlook, world-view, mentality, spirit of epoch.*

Современная ситуация гуманитарного познания характеризуется кардинальными сдвигами мировоззренческих установок в сторону отказа от однолинейности, центрированности, детерминизма методологических подходов и стратегий. В культурно-историческом познании этот процесс связан с обостренной полемикой различных направлений и школ по вопросам характера исторической реальности, методов ее изучения, роли познающего субъекта (историка) в создании картины прошлого. Таким образом, происходит изменение акцентов: онтологическая проблематика уходит на второй план, а доминирующей становится проблематика эпистемологическая.

Истоки этих изменений можно обнаружить в атмосфере оживленных дискуссий начала прошлого столетия, существовавших в западной исторической мысли в работах Г. Риккерта, М. Вебера, Й. Хейзинги, О. Шпенглера, М. Блока, П. М. Бицилли. Суть этих дискуссий о природе исторического познания состояла в том, чтобы углубить и расширить

перспективы исследования прошлого, преодолеть односторонность взгляда на историю как на «собираательницу и хранительницу фактов». Эти мыслители ставили перед собой задачу совершенствования и преобразования исторического метода путем изменения научной методике, разработки более тонкого и эффективного категориального аппарата, обнаружения новых проблемных зон. Это не теряет своей актуальности и в настоящее время.

Целью данной статьи является анализ теорий культурно-исторического познания, сформулированных М. Блоком и П. М. Бицилли. Значение работ французского историка общепризнано в мировой науке, а влияние его идей на развитие теории истории является несомненным фактом. Имя нашего соотечественника было практически неизвестно, о чем свидетельствует отсутствие упоминания о нем в некоторых современных обзорах по историографии [7]. Между тем как идеи Бицилли заслуживают того, чтобы быть поставленными в один ряд с основателями школы «Анналов» (М. Блоком и Л. Февром).

Среди исследователей, указывающих на значимость методологических разработок П. М. Бицилли в культурно-историческом познании, можно назвать имена Т. Н. Поповой, Б. С. Кагановича, В. Л. Левченко и др. Творчество М. Блока и его последователей было всесторонне исследовано в работах А. Я. Гуревича, М. А. Барга, И. С. Кона, А. Д. Люблинской и др.

С достаточным основанием можно утверждать, что проблема природы культурно-исторической реальности никогда не стояла так остро, как в начале XX ст. Теоретические труды, созданные в XIX в. основывались на принципе тождества бытия и мышления. Историки не сомневались в том, что они познают прошлое таким, «каково оно было на самом деле» (Ранке). При этом историк сосредоточивался на конкретном исследовании прошлого, проходя мимо целого комплекса сложных методологических проблем. Часть из них связана с исторической обусловленностью самих применяемых историками понятий (в связи с этим необходимо упомянуть идеи неокантианцев о специфичности образования исторических категорий). Другие – касались роли познающего субъекта (исследователя) в отборе и интерпретации исторических фактов с помощью теории «идеальных типов» (М. Вебер).

Эту же проблему активности мысли исследователя в отборе и организации изучаемого им материала поднимал в своих работах М. Блок. Так, в «Апологии истории» (1942) он писал: «Состарившаяся, прозябавшая в эмбриональной форме повествования, долго перегруженная вымыслами, еще дольше прикованная к событиям, наиболее непосредственно доступным, как серьезное аналитическое

занятие история еще совсем молода. Она силится теперь *проникнуть глубже* лежащих на поверхности фактов; отдав в прошлом дань соблазнам легенды или риторики, она хочет отказаться от отравы, ныне особенно опасной, от рутинности ученой и от эмпиризма в обличье здравого смысла. В некоторых важных проблемах своего метода она пока еще только начинает что-то нащупывать» [4, с. 11]. Таким образом, историк нуждается в качественно иной методике анализа источников, во главу угла которой ставится проблема обобщения, синтеза частных результатов, основанная на творческой деятельности его разума. Исходя из этого, любое эмпирическое исследование оказывается теоретически нагруженным, обусловленным ценностными предпочтениями исследователя.

Предвосхищая идеи М. Блока, П. М. Бицилли уже в своей первой крупной научной работе «Салимбене. Очерки итальянской жизни XIII века» (1916) обозначил данную проблему. «Безразличное регистрирование событий, если только таковое возможно во всей чистоте, не есть история. История не может существовать без известного выбора материала и его связывания при помощи творческой деятельности разума. Но как это возможно без «предвзятой теории»? Всякая теория «предвзята», а ее ценность обнаруживается лишь *post factum*. Критерием для этого служит возможность или невозможность уложить в ее рамки наблюдаемые факты» [1, с. 244].

Таким образом, оба мыслителя выступают против господства позитивистского подхода в историческом исследовании. Историки-позитивисты стремились представить историю как обработку документов, исторических свидетельств. «Там, где молчат источники, нема и история; где они упрощают, упрощает и она; где они искажают, искажает и историческая наука. В любом случае – и это, по-видимому, главное – она не импровизирует» (Цит. по: [5, с. 191]). В то время как в новом историческом подходе предполагалось не только перечисление фактов, но необходимость их осмысления и понимания: «при нашей неизбежной подчиненности прошлому, мы пользуемся по крайней мере одной льготой: хотя мы обречены знакомиться с ним лишь по его следам, нам все же удастся узнать о нем значительно больше, чем ему угодно было нам открыть. Если братья за дело с умом, это великая победа понимания над данностью» [4, с. 38].

Отказываясь от позитивистских установок, Бицилли формулирует новую методологическую предпосылку культурно-исторического исследования. Он считает, что для историка культуры важно через формы предметности, особенности мышления, переживания времени, верования выходить на выявление духовной основы эпохи. Поэтому история

культуры должна выступать как концепция, «объемлющая жизнь как целое во всем многообразии ее конкретных проявлений, ищущая в них общий смысл и единство <...>. Есть общий «дух» Культуры <...>, но не где-то вне ее, над или под нею – скажем, на Небесах или «в производственных отношениях» – но именно и только в ее конкретных проявлениях, в вещах и людях. Поэтому увидеть живых людей, усмотреть их отношение к великим историческим движениям составляет – по крайней мере должно составлять – главную цель работы историка, если он только хочет понять Культуру в ней самой, в ее жизни, ее развитии» [2, с. 541].

Эту духовную основу Бицилли вслед за Й. Гердером в своих работах именуется «духом эпохи», придавая этой категории важное методологическое значение. Он подчеркивает, что «этот дух эпохи, *Zeitgeist*, обнаруживается одинаково во всех ее продуктах. В праве и в морали, в религии и искусстве, в устройении своего гражданского и государственного быта, своего домашнего обихода – субъект раскрывает себя, воплощает во внешних формах свою внутреннюю сущность и обогащает данный ему мир результатами творческой переработки тех элементов, которые он воспринял от него» [3, с. 11]. Таким образом, происходит смещение акцента с исследования внешних факторов на исследование социального сознания. Поэтому магистральной линией любого исторического исследования является изучение мировидения и мироощущения людей исследуемой эпохи.

Но более глобальную разработку эта проблема получает у М. Блока. В целом ряде случаев ему удается обосновать, как различные течения исторической жизни «сходятся мощным узлом в сознании людей» [4, с. 89]. Иными словами, ничто в человеческой истории не минует сферы мыслей, представлений, эмоций и все получает от этой сферы определенную окраску. Эту сферу он обозначает понятием «ментальность». Как отмечает Ж. Дюби: «...ментальность – это совокупность образов, представлений, которые в разных группах или стратах, представляющих общественную формацию, сочетаются по-разному, но всегда лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в этом мире и, следовательно, определяют и поведение людей» [6, с. 52]. А. Гуревич утверждает, что на русский язык это понятие однозначно непереводимо и может обозначать «то «умонастроение», то «умственные способности», то «психологию» и «склад ума», а может быть, и весь тот комплекс основных представлений о мире, при посредстве которых, человеческое сознание в каждую данную эпоху перерабатывает в упорядоченную «картину мира» хаотичный и разнородный поток восприятий и впечатлений; в таком случае французское слово *mentalité* по смыслу приближается к русскому «мировиденью»» [5, с. 215].

Исследователь, опирающийся на понятие ментальности, стремится увидеть в текстах и в других памятниках культуры то, что их авторы не намеревались высказать или не могли высказать прямо. Любой исторический памятник может стать источником важных сведений, если знать, как к нему подойти, какие вопросы задать. «Все, что человек говорит или пишет, все, что он изготавливает, все, к чему он прикасается, может и должно давать о нем сведения», – отмечает М. Блок [4, с. 39]. Поэтому исследователь стремится вскрыть смысл, который вкладывали люди изучаемой им эпохи в свои слова и формулы, и пытается получить у них сведения, которых они не собирались давать.

Обращение к изучению ментальности как к цели исторического исследования было предпринято М. Блоком в одной из ранних работ «Короли-чудотворцы» (1924). В ней он прослеживает возникновение и историю веры населения Франции и Англии в чудодейственную силу своих монархов. Король – наместник Бога – обладал в глазах своих подданных чудесным даром, с помощью которого мог своим прикосновением исцелять больных золотухой. В Англии эта вера продержалась вплоть до начала XVIII в., а во Франции – до конца первой четверти XIX в. В результате своего исследования Блок приходит к выводу о том, что эти идеи не были внушены церковью, а являлись проявлением коренных установок коллективного сознания. Этим объясняется факт их длительного существования на протяжении всего периода средневековья (начиная с XII–XIII вв.), поскольку ментальность изменяется чрезвычайно медленно.

Эта книга, за немногим исключением (в лице Л. Февра), была встречена коллегами-историками весьма сдержанно; некоторые сочли сюжет книги «странным», а то и второстепенным. Впоследствии сам Блок уже не вернулся к этой проблематике, обратившись к изучению экономических и социальных структур, но в свой последний фундаментальный труд «Феодальное общество» он включил специальную главу под названием: «Особенности чувств и образа мыслей». Здесь история ментальности выступает как часть синтеза, позволяющего воссоздать целостный образ средневекового общества.

Характерно, что к воссозданию целостного образа средневековой культуры стремился П. М. Бицилли. Анализируя религиозные представления, воззрения на историю, формы искусства, архитектуры, социального устройства, он реконструирует такой образ. Его символическим выражением он считает готический собор. «В готическом соборе поражает стройность и завершенность плана: каменная громада вся целиком как будто выросла из земли, всем своим лесом колонн и пилястр устремляется в одном могучем порыве к небу. И в то же время

каждый уголок собора, каждое оконце, каждая башенка, каждая деталь может быть взята отдельно, является сама по себе чем-то законченным <...> Все вместе образует идеальное подобие того мира, о котором грезило средневековье; мира иерархически сгруппированных, совершенных, неизменно повторяющихся символов, мира раз навсегда «готового», неподвластного времени, неподвижного в своем устремлении к Богу, оцепеневшего в своей предметности, – царства ничем не нарушаемой гармонии, вечно дрящущегося полного консонанса» [3, с. 93].

Таким образом, М. Блоком и П. М. Бицилли была открыта новая область исследований в исторической науке – социальная психология, которая должна была изучать те силы, которые объединяют людей в группы, и прежде всего, присущий этим группам способ мировосприятия и мироощущения. При подобной постановке проблем даже история искусства или литературы оказывается не специальной дисциплиной, обособленной от истории как таковой, а срезом все той же социальной реальности, способствующим раскрытию ментальности людей данной эпохи. При этом памятники искусства, отражающие коллективные представления и идеи, приобретают особую важность для историка культуры, которые не ограничивают своего кругозора лишь выдающимися образцами, но обнаруживают вместе с тем и прежде всего формы массового сознания – верования, коллективную память, отношение к труду, восприятие времени и т. д.

К подобным выводам несколько ранее приходит П. М. Бицилли, который так же считает, что первостепенной задачей историка культуры является реконструкция мировоззрения и мироощущения эпохи. Она возможна, если в центре внимания оказывается социальное сознание – тот психический настрой, который соотносит жизнь общества с принятой в нем шкалой ценностей, с основополагающими идеалами и нормами. Неучитывание же системы ценностей приводит к тому, что оттенки мысли, которые составляют характерную, неповторимую окраску культурной эпохи, при изложении неизбежно пропадают. Поэтому, рассматривая и конструируя определенный период в истории культуры, мы не поймем его, если не сможем раскрыть совокупность его ценностных представлений и идеалов. Путь к пониманию этой сферы лежит через отдельную личность, выражающую себя и говорящую о своем времени в тех культурных формах, которые присущи ее времени. «Личность есть в конце концов единственный реальный фактор исторического процесса», – заключает П. Бицилли [1, с. 541]. В связи с этим П. М. Бицилли обращается к переживаниям рядового, «среднего» человека эпохи. Они были детально проанализированы в монографии «Салимбене. Очерки итальянской жизни XIII века», посвященной исследованию стиля мышления и мироощущения

францисканского монаха-хрониста и описанию жизненных и идеологических тенденций зрелого сред-невековья. В этой работе автор подвергает анализу хронику обыкновенного монаха-францисканца Салимбене. П. М. Бицилли был не первым, в чье поле зрения попал данный исторический источник. Но он был первым, кто в качестве объекта исследования выделил личность самого автора хроники, а не события, в ней описанные.

Сама хроника была предметом исследований историков XIX в. Гольдер Эггер, в частности, хотел дать внутреннюю историю Салимбене, «историю его души» в рамках его внешней биографии. Но автобиография Салимбене очень отрывочна, и очень неполна, страдает множеством умолчаний о самых существенных вопросах. Кроме того, исследователь замечает, что невозможно восстановить реальную биографию Салимбене, исходя из сведений, которые он дает о себе сам. Бицилли соглашается с этим тезисом, что заставляет его формулировать задачу по-новому: «Я беру внутреннее «Я» Салимбене, так сказать в поперечном разрезе, – в ту пору, когда он, перевалив за шестой десяток, принялся писать свою хронику. Изучить строй его мыслей, его убеждения, наклонности, желания, идеалы, – вот цель, которую я себе поставил» [1, с. 235].

Автор убежден, что, какую бы отрасль истории мы ни изучали, – в конечном анализе исторических явлений мы всегда приходим к отдельной личности. Что касается экономического, идейного и прочих факторов, то они, по мнению автора, имеют значение лишь постольку, поскольку преломляются в сознании отдельных лиц, становясь мотивами, овладевающими их волей, и направляющими их деятельность. Поэтому целью П. М. Бицилли является изучение жизненной ситуации Салимбене, а не социальных структур, хотя он и не отвергает их значимость. Конечно, изучение личности имеет смысл лишь постольку, поскольку мы распространяем полученные результаты на его современников.

Таким образом, для Бицилли важно через изучение личности выходить на выявление духовной основы эпохи, обуславливающей ее уникальность, взятой в многообразии ее составляющих. Как отмечает В. Л. Левченко: «Предложенное Бицилли изучение мира повседневности показывает становление конкретно-исторической социальной объективности через конституирование, порождение смыслов в потоке опыта отдельной личности. Данная методологическая установка создает возможности для реконструкции культурного универсума эпохи, воспроизводство онтологии жизненного мира» [8, с. 214].

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Обнаруживая недостатки и неполноту позитивистской методологии, которая сводит исследование культурно-исторической реальности к поверхностному регистрированию фактов, М. Блок и П. М. Бицилли предложили новый метод преобразования исторической науки и обновления ее проблематики. Позитивистская историография работает по преимуществу аналитически, обходя синтез: историки выделяют отдельные вопросы и изучают их изолированно. В то время как новая методология была направлена на реконструкцию целостного образа изучаемой эпохи. Эта целостность конструируется на основе анализа мироощущения и мировосприятия людей исследуемого исторического периода, их верований, навыков мышления, социальных и этических ценностей и т. д. Следовательно, предметом истории становится сознание людей, поскольку в нем соединяются все феномены социальной и духовной жизни.

Но если для М. Блока путь к исследованию социального сознания проходил через анализ явлений коллективной психологии, что нашло отражение в его работе «Короли-чудотворцы», то П. М. Бицилли сосредоточил свое внимание на анализе переживаний, убеждений и идеалов отдельной личности, полагая, что, изучая индивидуальное сознание среднего рядового человека, можно выйти на представление о панораме мотивов, идей и ценностей, характеризующей ментальность эпохи («дух эпохи»).

1. Бицилли П. М. Салимбене (Очерки итальянской жизни XIII века) // Бицилли П. М. Избранные труды по средневековой истории. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – С. 233–525.
2. Бицилли П. М. Св. Франциск Ассизский и проблема Ренессанса (1226–1926) / Бицилли П. М. Избранные труды по средневековой истории. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – С. 533–547.
3. Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. – М.: Мифрил, 1995. – XXVIII + 244 с.
4. Блок М. Апология истории, или ремесло историка. – 2-е изд. – М.: Наука, 1986. – 254 с.
5. Гуревич А. Я. Марк Блок и «Апология истории» // Блок М. Апология истории, или ремесло историка. – 2-е изд. – М.: Наука, 1986. – С. 183–231.
6. Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года / / Одиссей: человек в истории. – М., 1991. – С. 49–59.
7. Кром М. М. Историческая антропология. Пособие к лекционному курсу. – СПб: Дмитрий Булагин, 2000. – 80 с.
8. Левченко В. Л. Культура как духовный контекст эпохи в работах П. М. Бицилли // Герменеус. Труды семинара по герменевтике. Вып. 1. – Одесса, 1999. – С. 207–220.